

Альманах

КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ

В марте 2019 года вышел в свет новый номер литературного альманаха «Кузнецкая крепость» (№23, 2018). К 50-летию со дня рождения Руслана главный редактор – Василий Галактионов – подготовил и издал большую подборку стихотворений поэта из цикла «Алтайская тетрадь» (2005 год).

«Врачует дух исписанный листок»

* * *

Я пишу лишь для тех, кто читает,
Как ни странно, читает ещё,
Кто кротами томов коротаёт
Хронос дней, и не будет прощён

Жизнью этой за траты без цели
(время – деньги) бесценного дня.
Только кто-то из этих оценит,
А, Бог даст, и полюбит меня.

* * *

О, Господи! За что такое всё?
Кому? И мне? И мне равно со всеми!
Ужель и вправду всяк тобой спасён
Уже сейчас, за день до воскресенья?

Вокруг пихтач. Привычны комары.
Есть чай и даже, Господи, сгущёнка.
Я проиграл. Но результат игры –
Да вот он, здесь. И что мне счёт! Что счёты!

Так слишком не по-свойски хорошо,
Что страшно жить вперёд навстречь другому.
Но буду, ибо и сюда дошёл,
Не зная ничего за дорогое.

Да, дорогая. Вот так реприманд*:
Из грязи в князи. Размотав портянки,
Князь пальцами шевелит, и роман
Становится романом без натяжки,

С романским «R» хрустящего костра
Под флейту ветра и сурдинку гнуса.
И даже, если завтра умирать, –
В сегодня всё, чтоб спеть и улыбнуться.

* В данном случае – неожиданность.

* * *

Ночь. Тишина. Шум сердечного стука.
Ухо в подушке. Не спишь – и не спи.
Всё-таки жизнь – хорошая штука.
Ночь. Час за часом. Терпи.

Вдруг да приснится что-нибудь: море,
Брамса квартет или слива в вине,
Первооткрытие истины в горе,
Или же просто уснёшь, наконец.

* * *

Неравенство – врождённая узда.
Раб и бездарность, стены лбом раскрасив,
Со мной садятся рядом: «Да, ты прав был.
Так значит бесполезно?» – «Значит, да».

На лбу моём зажившие рубцы
Теперь уже внушают им доверье:
«Так что ж нам делать?» – «Кроме стен есть двери» –
«А что за ними?» – «Строчные столбцы».

Болящий дух... Короче, анальгин
Всегда есть под рукой, когда есть ручка.
И, сколь ни тяжек твой тяжёлый случай,
Бурлак по жизни с песней не погиб.

И фальшь – ничто. Надрыв и крик – ничто.
А что же – что? А в этом-то и фишка,
Что сам не знаю, только больно слишком
Врачует дух исписанный листок.

* * *

Ты в свете – вся, и свет идёт с небес
Сквозь окна листьев, а не стекла окон.
Весь этот лес принадлежит тебе,
И на твоём значке – змея и сокол.
И осень отступилась и стоит.
Лишь лёгкий лист, вострепетав, слетает
К твоим стопам на золоте земли
Для новых рифм: «весталка» и «гетайра».
За это я люблю вот эту жизнь:
За незаслуженность как дара, так и кары.
Непогрешима? Бог с ней, погрешим,
Поставив рай и яблоко на карту.

* * *

Правда у тех, кто сильнее и умней –
Истина прошлых и нынешних дней.
Сирым, юродивым выдано здесь
Право, прогнувшись, смирить свою спесь.

Ницше не близок, и та нищета
Тщетна, бо сказано – всё суета
В мире подлунном, а в подлинном том
«Камо грядеши?» – услышим потом.

Листопад

Смешалось солнце с листьями,
Что стали лёгкой лестницей, –
Несомой бесполезности
Узорчата ступень.
И входит в раж мажорное,
И в ход идёт минорное,
И пахнет синь мороженым,
И ты слагаешь песнь

Про то, что осень – весело.
За то, что легковесен ты,
По листопадной лестнице
Не падаешь – поёшь
От листика до листика
Про то, что небо близится –
Отличное от личного,
Но всё равно твоё.

Всё, что несётся самостью,
Спасётся невесомостью.
Сердца не для осёдлости,
Крыла не для седла.
Поэты – люди странные,
Поэтому пространство им
И зов, и вызов – странствовать,

И в сторону – дела.

Помимо дела частного,
Весёлого и честного,
Пока страницы чистые,
Есть жизнь куда сберечь.
Не зная, что получится,
Смерть оставляет лучшее.
Летят листы и лучики
Вперёд и вверх – навстречь.

* * *

Начать прилично с мелочей,
Дабы дойти до обобщений.
Зачем? А кто бы знал, зачем?
Зачем – кто знает – вообще всё?

Никто, я думаю. Никто.
Ушёл туда, куда не знамо.
Есть знамя – запад, есть – восток.
Свет сумеречный одинаков.

К полудню переменчив юг,
Но полюс, – вечно верх и север, –
Как полюбилось, так пою
(юг, запад и восток отсеяв)
За вечноюный неуют
Сибири или всей Расеи.

* * *

Октябрь. С утра – воскресенье.
В весёлых картинках окно.
А выйдешь – и пахнет сиренью,
А снег или грязь – всё равно.
И солнце в осколках бутылки...
И целое небо в зрачке...
И почву целуют ботинки...
И мачо в любом мужичке.
И каждая женщина – дама

Прекрасная (жаль, не знаком).
Всем счастье законным приданым –
Вполне очевидный закон.

* * *

Холодая голубизна,
Чья глубь всегдашняя без дна.
И локон, что лишь сдунешь, – снова,
Ладонь, что лист осенний ждёт,
И дождь, когда она идёт
С работы в среду в полшестого,
И лёгкое дыханье, и...
Уже достаточно двоим
Припомнить реку и рябину,
Бой с ветром, сердца перебой,
Ещё, ещё... и перебор,
И рифма сложная – мы были.

1 октября 2005

Сегодня первое число.
До дембеля мне две недели.
Туман к полудню разнесло,
И – красота... на самом деле:

Так сочноцветны гряды гор
В осеннем солнечном софите,
Что это... это нужно видеть.
И воздух, налитый тайгой,

Сиятельный, студёный, вкусный –
Хоть ешь его, хоть пей. Вода
Поёт по-шорски и по-русски
Одно и то же: что беда,

Беда пуста, равно – победы,
Что жизнь – движенье, смерти нет,
Что впредь бездомным непоседой
Оно – вполне, вполне, вполне.

Пусть птиц – прости, прощай – не слышно,
Пускай пытается мошкара.
Но – неунылая пора!
Октябрь. Первое. Запишем.

* * *

Целый вечер продолжается вечность.
Целый вечер зажигаются звёзды.
Мы с тобою проживём целый вечер,
Потому что мы с тобой – проживём мы.

Вот такие положил я расклады
И скрепил простою рифмой – в законы.
Я, единожды знакомый с талантом,
А с душой я не однажды знаком был.

Трое нас, аккорда три да три слова:
«Ты да я», и целый вечер – нам песней.
– Мы когда-нибудь увидимся снова?
– А зачем? Когда мы в вечности вместе.

* * *

Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...
Жил ожиданьем? – Ну, так и живи.
Ведь даже эта... как её?... Любовь –
Есть только ожидание любви.

Мы привыкаем к жизни без всего,
Но нашим детям с верой говорим:
«Ты вырастешь... – Ты слушаешь? – Ну вот... –
Полюбишь. Будешь счастлив и любим».

* * *

Нету желанья работать, стенать, возражать,
Просто сидеть, и играть, и отыгрывать гору.
Из горловины вино передвинулось в горло;
Горько, как горько, – и всё ж отчего-то не жаль.

Нету желания, радости, смысла, слуги.
Есть сапоги и портянки, кайло и лопата.
Жизнь не театр, но прочная школьная парта.
Впрочем, коль очень, то это... с урока сбеги.

Нету отчаянья, счастья, часов и зеркал.
Есть отраженье, и жизнь, и желание выпить.
Скоро октябрь золотою листвою засыплет
Ямы шурфов, где ты золота не отыскал.

* * *

Неудачник во всём... как там... кажется, looser,
Равнодушно бредущий по жизни земли.
Только звёзды осенние в траурных лужах
За своё – без руля и ветрил,
Подрулил к точке В, до омеги – немного,
А до Бога... Но тем интереснее в даль
Между искр осторожно ступать по дорогам,
Из острога ведущих в моё никуда.

* * *

Простит простоволосая трава
Смертельную косу, и не осудит
Секущих струй осенняя листва.
Так было. Так должно быть. Будет.
И ты, – пройдёт неспелости пора, –
Научишься неспешности природы.
Как высока – в миноре – пастораль...
Как дороги в предсмертной жизни годы...

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
Напитках алкогольных и горячих,
О том, как покидают, не дождашь, –
Что знаешь то, что ничего не значит.
О том, что ты из жизни прочитал,
Усвоил и теперь своим считаешь,
О том, что жил бы этак или так...
Как было нужно – до смерти не знаешь.

О том, что врѣшь, «не знаю» – говоря,
О зависти, о подлости, о слове,
О том, что день грядущий мне готовит
Языческую бедность словаря.
О безднах, разделяющих людей,
О небесах, для большинства молчащих,
О том, что можно быть счастливым здесь,
О даре жизнь раздаривать несчастьям
Ради письма вилами по воде.

* * *

Из чего? Из ничего,
Из какого-то молчанья,
Что осенними ночами
Выявляет естество.

А куда? А никуда.
По небу земля летает,
И, ни в чём не видя тайны,
Надо всем горит звезда.

А зачем? А просто так
Заповедано природой:
Переливчатое рондо,
Полнота и пустота.

Что теперь? Терпеть и впредь
Веселиться, злиться, длиться,
Ждать, пока не растворится
Дверь стучащемуся в твердь.

* * *

Осенний ветер, ищущий тепла, –
Больной бедняк, запутавшийся в листьях.
А кажется, что он от свиста злится
И... раздевает ветку догола.

* * *

Где Лациум? Где мы? И где Эллада?
Где я? Я на Алтае, он горист.
Здесь не растут Парис и кипарис.
Елена не прекрасна. Ну, и ладно.

Сегодня понедельник. Трудный день.
Похмельному трудиться неохота.
Всё началось, мне кажется, в субботу,
В шабат-шабаш, и до сих пор мне лень.

Эллада где? Где Лациум? Где я?
В палатке я. Похмелье. Понедельник.
Не в радость мне вчерашнее раденье,
Демьянов спирт. Я сам себе Демьян.

Алтай горист. Река здесь – Хуанхэ*
От драги, что стоит в её верховьях.
Где я? Где, исключительно на «хэ»,
Все рифмы в понедельник мимо схолий**.

И то, что небогат запас словес...
И то, что месяц осени унылый...
Опасно жить. Сентябрь. Ветер. Вес
Похмельной головы. Душа изнылась.

Где Лациум? Где я? Эллада где? –
В Караганде – рабочим эвфемизмом.
Но жизнь, переломив меня сквозь призму
Свою, перо даёт, не барствуя, радеть,

Как те до нашей эры, но не так, –
Не то что хуже, скажем так, – беднее.
Не Лациум, Эллада – но Алтай,
И иже с ним душа, и иже с нею

Всё остальное: осень, дождь, вода
Сжелта-реки, заглиненная драгой.
Охота жить, но никого нет рядом.

И эта ода водке, господа.

И эта ода до смерти грустна.
Опять же – осень. А точней, сентябрь.
И водки нет. И вовсе не до сна.
И жизнь нейдёт, но на кого-то тянет.

И «на кого ты тянешь, стрекоза?»***
Здесь стрекоза у Бродского для рифмы.
А у меня – для Бродского и ритма,
Для лирики, для против правил. За

Постмодернистский перебор цитат.
«Чужое слово» даже на Алтае –
С похмелья родное, ибо так
Душа чужим живёт и прирастает.

В поэзии, где слово – плагиат
Имеет смысл отличный и отличный,
Я сам себе палач и сам ПиАр.
Эллада где? – Где я – я там не лишний.

Я здесь. Скажи ещё раз так: я здесь.
И там, где я, там всё моё со мною.
Эллада где? Где Лациум? Везде,
Где я. И дела нет до остального.

* Хуанхэ, то есть «жёлтой» рекой, в стихотворении названа река Каурчак, заиленная драгой.

** Схолии – комментарии, часто довольно обширные, на полях античных рукописей. Фраза «мимо схолий», равнозначна общеупотребительной «без комментариев».

*** И ритм стихотворения, и приведённая строка, и рифма действительно позаимствованы автором из «Разговора в разговоре» Иосифа Бродского – в первоисточнике рифмуются «глаза», «за», «тормоза», «стрекоза» и «буза».

* * *

Сыро, октябрь всё сыплет и сыплет.
Спишь. Видишь сны: далеко-далеко

Лациум нежно-лиловых глициний –
Пусть на игольное только ушко.

Тёмно-лилово италиков море,
Тонко, до глуби прогрето, и гладь
Томной волною в витийстве не спорит
С ритмом, что рядом витийствует Флакк*.

По пробужденьи, в простылой палатке
Дождик стучит по полотнищу ритм.
Ищешь портянки... А Лаций, Эллада,
Рим или мир – ты отыщешь внутри.

* Конечно же, речь идёт об одном из известнейших «италиков» – античном поэте Горации.

* * *

Много ль нужно помнить? – Нет, не очень:
Что уходят, чтоб домой вернуться.
Красота и тут, и там – несрочна.
Перед смертью лучше улыбнуться.

Помнить, что для жизни, кроме песен,
Размышленья благородным впору.
Человек собою интересен.
Только точка может быть опорой.

* * *

В сентябрь вновь расцветают «огоньки»
Скромнее майских, майских неприметней.
Посёлок Майский. Лагерь у реки.
И день по-женски тёпл, по-бабьи летний.
И золото, что роем у земли,
Набросано поверх её в достатке.
И огоньки ещё раз расцвели.
Моя весна придёт ко мне под старость
Спокойно-мудрой, ясной, золотой.
Что всё не зря – в сентябрь станет ясно.
Я стану огоньком, а может, ямбом,

В альбоме чьём-то, лёгшем на листок.

* * *

То листьями сохлыми пахнет
Так тонко, то дымом пахнёт
Так горько, как будто бы – память.
И в воздухе синем синё.

Неслышно свистит в паутинках
Отвесно спадающий свет.
Иголка впилая в пластинку
И радиус сводит на нет.

И в боли рождается чистый,
Рождается звук и бежит
Подальше, чем можно исчислить,
Подольше, чем можно прожить.

* * *

Ох, как красиво! Всё в междометьях.
Больше не скажешь ахов да охов.
Северный ветер, стих на рассвете,
Синий туман да возгласы вздохов.

Я на работу при полном параде:
Пара сапог да спецовка с банданой.
Дело поэтов идти на-гора, и
В гору шагаю с рюкзачным приданым.

Синий туман разбавляется жёлтым.
Осень стоит, словно девка на выдан.
Ох, хорошо мне! Ах, хорошо мне!
В гору, а значит, жизни на вырост.

То, что прошло, стало тесным не в пору.
Осень-невеста нарядна, как сказка.
Тянет магнитом синее в гору –
Тема бродяг, верхолазов и скальдов.

Сердце, глупея, нальётся рябиной.
Даже кедровки поют соловьями.
Нас не любили, или любили –
Не всё равно ль, если любят нас явно.

Ясно, как свет. Вот и впитывай, память.
Пища НЗ на чернотные ночи.
Солнце поднялось. Росы упали.
Вот и вершина, и жизнь. Многоточие.

Рецепт

В бочку дёгтя духовной болезни
капни ложечку мёда, слезу,
океанов-морей бирюзу,
чтобы спеть и воскреснуть
в чьём-то сердце, а может быть, в двух,
что споют о любви и рассветах,
и, пока эстафетой живут,
воскресают поэты.

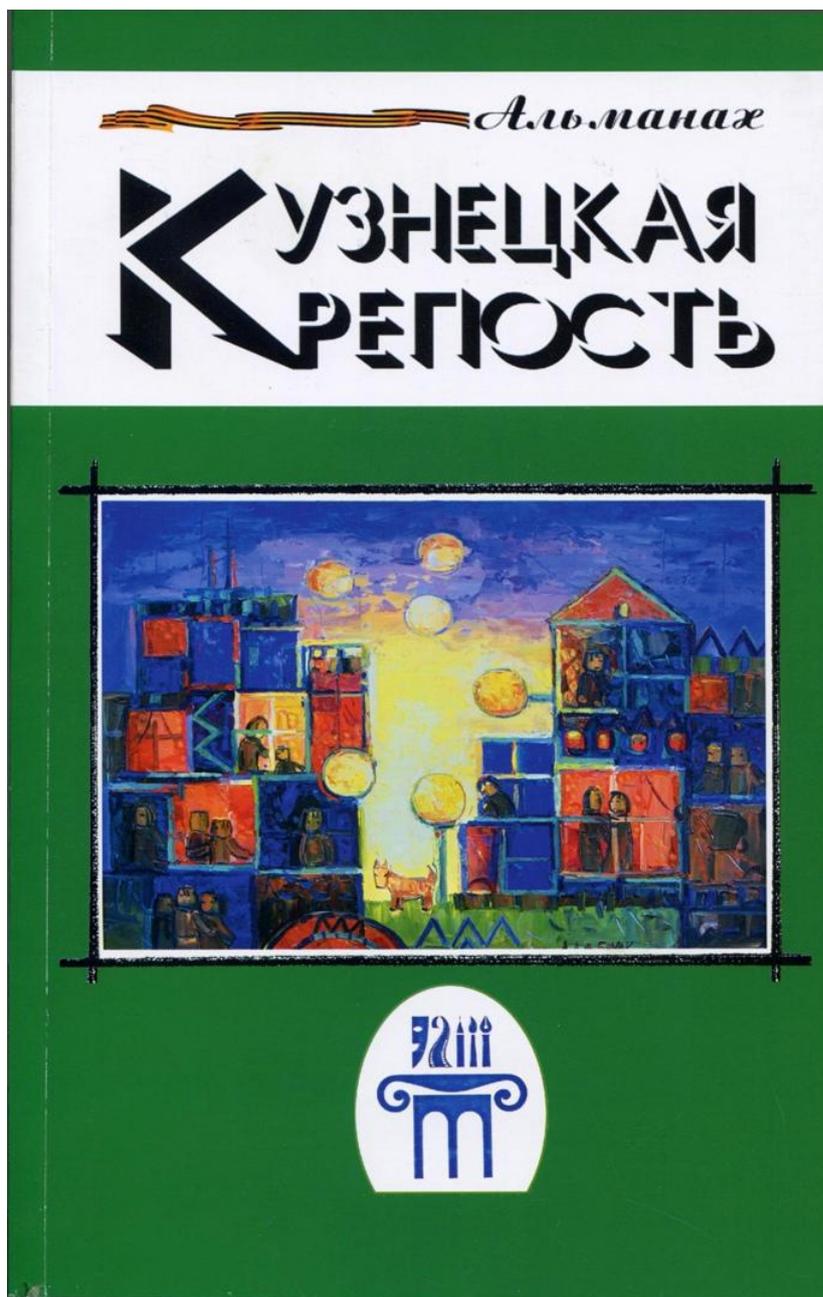
* * *

Для вдохновения не нужно выбирать
Особых мест, времён иль их единства.
Для действия: трезвость, чай, перо, тетрадь,
Конечно, и талант бы пригодился.
Но, коли нет, то просто от души,
Как свыше положили, как услышал –
Без отсебятины дословно запиши.
Кто – как, а мы с тобою так и пишем.

Так и поём сегодня, люблюбя
В себе себя, вокруг – всё остальное.
И рифмами скрепить слова, скрипя,
Не успеваает пёрышко стальное.

(Не я придумал вечное перо.
А жаль – не я – придумано прилично).
Октябрь, золотое серебро

Росы в косых, и никого из лишних
Вокруг. Кругом – тайга, река, гора
И тишина, насыщенная светом,
Собой, рекой и песенкой пера –
Что жизнь есть жизнь в любви,
что смерти нету.

Руслан Сидоров

Подборка стихотворений из альманаха "Кузнецкая крепость", Новокузнецк, 2016 г.

«Он был моим другом», – это могут сказать многие. И всё-таки, как я думаю, при сей своей общительности, при всей расположенности и благожелательности друзей и подруг Руслан был глубоко одиноким, как всякий большой поэт.

Наверное, нам ещё предстоит осознать масштаб личности и таланта Руслана Сидорова. Надо, чтобы память о нём не осталась замкнутой в кругу его

друзей и почитателей. Это зависит от нас. Есть простая истина: мы были его современниками».

Сергей Гринберг

Я вспомнил детство и отца...
Есенина зелёный томик.
Читает, курит без конца.
Зубами скрипнет – и на столик
Отложит книгу. Посидит,
Ладонями лицо закрывши...
Мне было года два, поди,
Но вот глаза закрою – вижу.
И первая любовь к стихам
Моя – конечно же, Есенин.
На розовом коне скакал
Под кущею зелёной сени
Годов, наверное, с восьми –
Сейчас уже не помню точно.
Прошли года... Сейчас и здесь
Уже ни в чём врага не вижу,
Но я наполовину есть –
Из этой самой первой книжки.
И... хорошо. Спасибо, жизнь!
Тобой недаром был корёжен.
Заканчивая ностальжи,
Вас процитирую, Серёжа:

«Вот и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок...»

Я хотел бы, стирая различия
Между речью и языком,
Чтоб стихи писались легко,
Вырастая из невеличия
Обиходных вседневных слов,

Обретая себя в сочетаниях.
Что уж проще: добро и зло,
Без эпитетов. Коннотаций без.
Я б хотел, чтобы не было разницы,
Для кого говорить добро,
Чтобы каждого стих мог радовать –
От воров до профессоров.

Я гувернёр.
Я русский грузчик.
Обслуга.
В сущности – никто.
Но неприлично
мне по-русски
прямою речью...
И потом –
немного гувернёру платят:
за побегушки,
за смирень.
Но сею –
и восходят злаки.
Но я дышу –
цветёт сирень.

Серебряные птички звёзд
Слетали с неба постепенно.
Листва травы дошла до слёз,
Когда запели
Сиренью синей соловьи.
И солнце расплавляло стёкла
Червонным золотом своим
В моей светёлке...
Давно? Недавно? Навсегда
Мгновенья счастья станут нами,
Стихами, песнями и снами,
Свирелью соловьёв в садах.

Любовь разнолика – как счастье.
Но всё ж со времён динозавров
Всё те же звучат обещанья:
Навечно! До гроба!
До завтра!..

Грузчик

Веселие тяжёлого труда,
Поэтика азарта сухожилий
И лёгкость сверхусилия. И дар
Почти почтенной юности по жизни.
Преодоление грузности земли
Крылатою игрой мускулатуры.
На флейте позвоночника культуры
Такого вы сыграть бы не смогли!

Иосифу Бродскому

Ты Дедал мой.
И то, что ты дал мне – моё.
Не отдам, но с охотой большой потерю.
Ибо чем веселей
в полдень золото льёт окоём,
тем и искус сильней –
улететь за границы окраин.
Чем же голоса медь
отличается, в сущности, от
труб архангела? –
только одним: направленьем.
Он сюда. Мы отсюда.
И встречу ускорит полёт.
И без усталости сердце сечёт
синеву с ускореньем.

Из осенней воли Блока
Вырос весь Есенин.

Ах, талант лишь подоплёка,
Даром, во спасение.
В искушение, во погибель
Только даром ли? Не только.
Долг отдай – и далее...
Вечер. Ветрие простое.
Здравствуй... До свидания...

Всё связано со всем. Есть Книга Книг.
Не Библия. Но Книга Книг. Другая.
Где Слово прочитавший постигает
всё, что случилось. Что случилось с ним.
Не Судеб. Нет. Другая книга. Да.
Её листает ветер и вода
в своих страницах отражает листья,
звёзд запятые и тире пути.
Её в библиотеках не найти.
Она на чердаке моём пылится.

Святая слепота

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
Шёл в июнь черемуховым снегом,
И пацан босой по лужам шлёпал,
Слушая, о чём шумели клёны.

Клёны говорили – он не верил.
Клёны уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел и небо было ясно.

Было ясно: будет всё красиво,
Как сирень, умытая июнем,
Как подсолнух Солнца над Россией,
Как его безудержная юность.

Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.

Клёны уверяли – он не верил –
Про петлю в каком-то «Англетере».

– Куда ж нам плыть?
А.С. Пушкин

Большому кораблю –
большое плаванье,
большие ветры и большие бури,
валы – девятые,
и, вот что главное, –
в порт назначения
он не прибудет,
поскольку... нет его.
Предназначение
большого корабля –
большое плавание.
Куда? Откуда?
Главное – зачем Оно?..
Отнюдь не главное!
Отнюдь не главное!

Бегущий навстречу солнцу
Падает на бегу...
Такой привиделся сон мне –
О чём, понять не могу.
Кто он – бегущий к ночи,
Видный лишь со спины,
И то из-за крыльев – не очень?..
Что они значат – сны?

Волнение – отклонение от глади.
Для каждого волнения души
Уже предуготовлено название:
Смущенье, страх, влюблённость и любви
Отчаянье, восторг – ну, и так далее...
Но что такое гладь, никто не знает.

Власть и народ

– Шёл... Нагнулся чего-то.

И опять... и опять.

– Есть такая работа:

Камушки собирать.

– Вот за пазуху сложит,

И вернётся сюда.

– И да Бог вам поможет

Убежать, господа!

Есть люди... А когда они уходят,

тогда их узнают и те,

кто их не знал.

Тогда не вспоминают про плохое:

зачем оно теперь – плохое – нам?

Они ушли. Классические розы

укусят в грудь. Усеют путь вослед.

Есть люди, что не созданы для прозы

о них, ибо человек – поэт.

С начала... С детства.

Позже – забывает.

А после вспоминает. И грустит.

И если жизнь накажет их земная,

то смерть – простит.

Отпустит их в несрочные долины,

где ласковая ласточка – весна...

Земную жизнь пройдя до половины,

я знаю мало.

Но об этом – знал.

Наш роман, точнее, наш рассказ

Кончился в начале девяностых.

Вспоминать о нём через века

Просто больно и не очень просто.

Ничего особенного нет.

Было? Было... Пусть прошли века, но

Выданный на время этот свет
Вечно будет белым до заката.

Апрельский день – прозрачный и высокий.
Льют льдинки золотые бубенцы.
И небо – нарисованное солнцем.
И небом – нарисованы скворцы.

Два чуда в перьях, в переливах, в пенье.
И тенькает по луночкам вода...
И то ли ток, гудящий в проводах,
А то ли так – крови сердцебиенье.

И все поют о чём-то в том же роде –
О чём вчера, о чём и я пою.
О главном – о любви и о погоде.
О том, что так прекрасен их союз.

Б.Р.

Здравствуй, здравствуй...
Жизнь прошла.
Что они вокруг все плачут?
Ты закончил все дела.
Ты закончил их с удачей!
Ты им... это... улыбнись.
Вот он! Вот он – луч меж тучек!
Хороша иная жизнь?
Да понятно, что получше.
Ну... а... в смысле?... Да ты что?
Чудно, чудно мирозданье.
Понял... Всё! Потом, потом...
До свиданья! До – свиданья.

Мячик обязательно утонет.
Шарик никогда не прилетит...
Плачь, девчонка! Он тебя достоин –

Не вернётся; дождь идет – грусти.
Пачкайся помадой и слезою.
У солдата вечный выходной,
Ждёт его в кустах брюнетка Зоя
На скамейке, возле проходной.
Плачь, Алиса... Ты ведь стала взрослой,
Праздники остались позади.
Плачь, старушка, – виделась огромной
Жизнь, но туки-туки-тук... и позатих
Дождик. Никому давно не нужный,
Всплывший посеревший красный мяч...
Шарик прилетел – притоптан в луже...
Тише, тише, девочка! Поплачь.

Закон природы – самосохраненье,
Но разум – путь к саморазоблаченью,
Не то – самообману. Это мненье
Меня ведёт к простому заключенью:

Коль нет Любви, то поводом печали –
Всё остальное, но инстинкт – в законе.
И мелкое, привычное несчастье
Мы называем счастьем и покоем.

За истину смертей и воскресений
Пора тебя, мой Бог, благодарить.
За то, что подарил мне алгоритм:
В осенний день предвосхищать весенний.
За море поглощающей любви,
В котором я тонул неоднократно.
За песни соловья, что по утрам пел
Нам соловей; синиц, что не ловил
И журавлей, пленительно красивых.
За то, что отпускал я журавлей...
За то, что притяжение к земле
Ты сделал для меня не слишком сильным.
За практику смертей и воскресений

Пора тебя, мой Бог, благодарить.
И более всего – за мощь рифм,
Равняющих осенний и весенний.

Жизнь дни вычитает; согласно
вращается веретено.
Моя безнадёжная ясность
всё знает – уже и давно.
Моя безуспешная свежесть
сменяется знаньем. – Оно
не даст – налегке и невеждой.
Не всё ли равно? Всё равно.
Душа к багажу не привыкла.
И что ей моя голова?
Когда разомкнутся кавычки,
останутся только слова.

Всё реже улыбаюсь сам себе...
Начать таким стихом стихотворенье
прилично было б двести лет назад.
А нынче – нет. Что вдруг?
Мы изменились.
Кто это «мы»? И я смотрю в окно...
Октябрь подошёл к тридцатым числам.
Больное ноябрём пустое небо
уже полно ещё незримых звёзд
и точно осень – жёлтым догорает...

Кто это «мы»? И что меняет нас
за двести лет и за одно мгновенье?..

Новый год

Скоро-скоро, очень скоро
Новый год приходит в город
Сделать всех нас младше и добрей.
Воздух с коркой мандарина,

И украшены рябины,
Красными шарами снегирей.

Город приготовил всё для встречи:
Ёлка, конфетти, конфеты, свечи... Вечер:
Тут и лучшие одежды,
И на лучшее надежда...
Самый настоящий Дед Мороз
С бородою и усами
Разложил подарки в сани –
Развозить по городу повёз.

Что загадано – случится.
Счастье в двери постучится,
Скажем счастью: «Здравствуй, вот и ты».
Верю я, что к нам с тобою
Новый год придет с Любовью, –
В эту зиму вырастут цветы.
Белоснежно-нежные тюльпаны
В холоде январских снегопадов...

Рано утром подойдя к окошку,
Ты оттаешь лёд ладошкой,
Там увидишь белые цветы.
Скоро-скоро, очень скоро
Превратится новый город
В сад осуществившейся мечты.

Январь 2003

Неброский блеск луны и снега,
как незатейливый мотив
молчания – земли и неба.
И лес заслушался... И стих.
Свет серебра – неслышный голос –
жемчужный отсвет – диалог.
Лишь бархат бересты колонн
волнует тишину и холод,
стоящий посреди зимы –

перед зачётом вне предмета
берёт у вечности займы
уроки холода и света.

Январь завершается.
Год начинается.
Жизнь продолжается,
Но не меняется:
Блеск в покрасневших глазах.
Что бы такого сказать? –
Умного, полного силы,
Радости и с душой?
Да здравствует жизнь до могилы!
(По-моему – хорошо).

Я здесь был хронически счастлив,
В себя уходил далеко...
С корзинкой грибов возвращаясь,
Холодное пил молоко.

В предбаннике жил я. За стенкой –
Чистилище – пламенный рай.
Ночами я вкусные пенки
С премудрых страниц собирал.

Количество суток в молчанье
На качество жизни души
Я здесь перевёл; я был счастлив –
Весёлые вирши вершил.

Кадила ботва огородов;
Дым сладок, и горек, и сиз.
Я был ежедневно свободен,
Как мало кто был на Руси.

Ниоткуда пришедший на эту землю
И готовый уйти навсегда отсюда,
Я приемлю всё, но лишь небу внемлю,
Потому что я знаю, что я там буду.

Руслан Сидоров

Мир посетивший, чтобы спеть о нём...

Подборка стихотворений из альманаха «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк) №1 (19), 2014 г. (в сокращении). Со стихотворением «Я вернулся в мой город из чёрной тайги...» можно ознакомиться в книге «Поэтические сочинения. Книга 1. Не именуя» (2017 г.).

* * *

Импрессия сирени. Утро. Сад.
Весь в кляксах фиолетовых. И солнце
Заполнило собою небеса,
Рассеявшись сквозь синие высоты.

Мух изумрудных свадебный полёт.
Латунные летуны – за нектаром.
Вечногундосый толстячок шмелёк
Взыскует истины на донце стеклотары.

Цветы, цветы, цветы... Цвета и свет.
И не поймёшь, какой сегодня возраст.
Здесь – всё равно – в сиреновой траве.
Там – на горе – равны кресты и звёзды.

Пусть спеет утро, наливаясь днём,
Шмелёк – вином, что твой раблезианец.
И я лежу, счастливейший из пьяниц,
Мир посетивший, чтобы спеть о нём.

Был, как Бродский, – недоучка.
По-ахматовски – не член.
Без Рембо, бродяжил с ручкой,
Пьян Вийоном, как Верлен...

Но пока со мною музы
Делят ложе, тьму и свет –
Недоучка. Вне союзов –
Руська Сидоров – поэт.

Как много слов хороших, злых, сухих,
Как пули для обоймы подходящих
Для новых строк; и у стола есть ящик,
Всегда готовый приютить стихи.

Однажды в «оружейку» я войду.
Дневальный спит, замученный и хмурый.
Вот это – голове – старинное «дум-дум»,
Вот разрывные стрелы для амуров.

Двуручный меч для «Я иду на Вы».
Нож перочинный (то есть ядовитый).
Вот ящики с горящей аквавитой,
А вот TV – капкан для головы.

Вот новенький игральный автомат,
Он ест наличные, надежды, время, центы.
Шприцы, чтоб душу с телом поломать,
Верёвки метр, просто так, зачем-то...

Вернусь домой. Достану из стола
Свой арсенал, что сохраняет ящик.
Как много слов хороших, настоящих,
Не надо злых, без них хватает зла.
Но парочку, в зазубринах козлячьих,
Оставлю: пусть ответят «за козла».

Святая слепота

Дождь косой, ослепши, падал с неба,
Шёл в июнь черёмуховым снегом.
И пацан босой по лужам шлёпал,
Слушая, о чём шумели клёны.

Клёны говорили – он не верил.
Клёны говорили – он смеялся.
Потому что день был спел и светел,
Снег был бел, и небо было ясно.

Было ясно: будет всё красиво,
Как сирень, умытая июнем,
Как подсолнух Солнца над Россией,
Как его безудержная юность.

Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.
Клёны уверяли – он не верил –
Про петлю в каком-то «Англетере».

Приветствую тебя, последняя страница,
Хранящая разгадки детских тайн.
Когда-нибудь, любя, мы самоустранимся
В страну, что рисовалась нам в мечтах,

Оставив на листах коды ориентиров,
Чтобы гайдары нас смогли найти;
Меняются места – общаги и квартиры –
В потоке пребывающих в пути.

Меняются места, зарплаты, положенья,
Страницы, стимуляторы, страна...
Но неизменны мы среди вечного круженья,
Как центр на оси веретена.